

УДК 3
ББК 60
В 26

Оргкомитет
*Варвара Аралова, Валерия Ветошкина, Татьяна Гусева, Евгения Зайцева,
Марфа Лекайя, Наталья Литилина, Александр Рожков, Николай Юмачиков*
Составитель
Наталья Литилина

В 26 Векторы развития современной России. Гуманизм vs постгуманизм. Материалы XV Международной научно-практической конференции молодых ученых. 22–23 апреля 2016 года : сборник материалов / под общ. ред. М. Г. Пугачевой. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1017-5

В сборнике представлены доклады участников XV Международной научно-практической конференции молодых обществоведов, посвященные понятию «гуманизм» в современной науке, вопросам, где он сегодня востребован и может быть обнаружен.

Для научных работников и специалистов, аспирантов и студентов в области социально-гуманитарных наук.

ISBN 978-5-4469-1017-5

© ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук», 2016

Корректор А.С. Семёнова
Оригинал-макет А.А. Хромов
Дизайн обложки А.А. Хромов

Подписано в печать 23.11.2016. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 19,5. Тираж 80 экз. Заказ № 734

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

Семейное и личное: проблемы эмоций в истории

ТРАВМАТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КАМНЕ О РАССТРЕЛЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ТАТЬЯНА ГУСЕВА

Московская высшая школа социальных и экономических наук

Общество XXI века насыщено событиями в мире. А травматический XX век заставляет общество искать новые пути решений проблем в понимании своей истории. В научном мире появился новый способ изучения прошлого — «trauma studies». Термин «травма» получил популярность и активно обсуждается в междисциплинарной науке в последнем десятилетии XX века. О «новом слове» в науке заговорили социологи, философы, историки и другие ученые. Ш. Фелман, К. Карут, Я. Лауб внедрили в научное сообщество понятие «историческая травма». Они рассуждали о нарративе «травмы» как об явлении, применимом не только в медицинской науке, но и в репрезентации событий прошлого, связанного с болезненной памятью. Их работы стали классикой нового направления «trauma studies». «Травма» изучается как не только психологический и физический, но и исторический парадокс. Сознание, подвергающееся травме, перестает функционировать в обычном режиме. Сознание — это обычно серия восприятий, расположенных во времени, которые созданы для того, чтобы не знать слишком много. А травма выступает в роли угрозы целостности организма, т. к. вмешивается в сознание внезапно и слишком быстро внедряет информацию, чтобы быть осознанной. Поэтому осознание травматического события задерживается и превращается в постоянные флэшбеки, которые мучают человека и меняют его мировосприятие. Почему «травма» стала рутинной действительностью XXI века? Ответ кроется в прошлом веке. Автор одной из первых работ по проблематике «травмы», профессор Йельского университета Шошан Фелман, базируясь на своем исследовании, пришел к выводу, что XX век принес достаточно большое количество болезненных событий (Первая мировая война, геноцид,

Холокост, Вторая мировая война), и поэтому общество XXI века живет в совершенно ином посттравматическом мире. Многие ученые считают, что интерес к направлению «trauma studies» связан с событием 9/11, которое перевернуло мировое сознание. Нам интересно провести исследование в области «исторической травмы» для коллективной памяти, взяв за основу события расстрела царской семьи в 1918 году, и выяснить, как образ негативной памяти обретал материальные формы (памятники) в XX веке и в начале XXI века. Подчеркнем, что понимание современности валидируется через травматический опыт прошлого. П. Штомпка выявил список травмирующих событий: революция (удачная или неудачная), государственный переворот, уличные бунты, крах рынка, радикальные экономические реформы, иностранная оккупация, принудительная эмиграция, геноцид, убийства, акты террора. Этот список практически полностью олицетворяет события начала XX века в России. В дополнение к понятию «историческая травма» Штомпка вводит понятие «социальная (культурная) травма», которая характеризуется событием, наносящим удары по фундаменту культуры общества, не соответствующим ценностям, и угрожающим как коллективной памяти, так и идентичности в целом.

В тот период, когда общество начинает воспринимать событие как травматическое, оно автоматически становится культурной «травмой»; ее могут замалчивать, вытеснять, но последствия такой травмы не отменить. Причиной культурной «травмы», согласно Рональду Айерману, профессору социологии, может стать политическое убийство. Можно ли убийство Николая II квалифицировать как политическое? Считаем, что для положительного ответа достаточно оснований. Убийство Николая II (и его семьи) было политическим. Согласно теории Р. Айермана, феномен убийства политического деятеля в том, что его ликвидация необходима, т.к. он является репрезентатором определенной смысловой модели, в данном случае император Николай II был символом самодержавия, против чего боюлись большевики.

Употребляя термин «коллективная память», отметим, что большинство исследователей воспринимают понятие «коллективная память» как недопустимое словосочетание для науки, но Алейда Ассман вводит в историческую науку два аргумента, которые развенчивают подозрения в нерелевантности этого понятия. Первый аргумент свидетельствует о неопровержимой связи коллективной

памяти с идентичностью, второй — о наличии связующих нитей между памятью и забвением у общества. Таким образом, мемориальные комплексы становятся трансляторами коллективной памяти, тем самым расширяя и углубляя личную память. Память о травме будет возвращаться, одевая облик памятников, конференций или любого другого способа коммеморации. Данное предположение подтверждается фактами: начиная с 1990-х годов и более активно с 2000-х годов о расстреле Николая II и его семьи вспоминают чаще и основательнее, создают различные мемориальные события в отличие от советского времени, и, главное, количество памятников возрастает. Кэти Карут делает вывод, и факты его подтверждают, о том, что события с болезненным оттенком становятся раной на теле общества с течением времени. Длительность периода может варьироваться от нескольких дней до нескольких десятилетий. По мнению Ассман, травматическая память требует около 30 лет, чтобы был преодолен порог «неговорения». С течением этих лет формируется публичная мемориальная память. Первый памятник-часовня в честь Николая II был построен в 1936 году, спустя 18 лет со дня убийства Николая II.

Большая часть коллективных травматических воспоминаний находится в режиме ожидания, их активация происходит под воздействием внешних импульсов. В XXI веке стала популярна «политика покаяния» в лице официальных общественных деятелей, которые публично приносят извинения за травматические события прошлого. Данная историческая новинка — ритуал извинений, — согласно Ассман, получила свою главную роль на сцене коллективной памяти в конце 1990-х годов, опровергнув тезис Фридриха Ницше о «законе забвения постыдных событий». Ассман утверждает, что основным инструментом данного ритуала является вина за травматическую память и превращение травматического прошлого в предмет экономической и политической манипуляции и коммерциализации.

Местами памяти о травматических событиях чаще всего выступают памятные сооружения. Данный вид коммеморации был популярен еще в Древней Руси, и характерной особенностью таких памятных сооружений было то, что в основном строили храмы, а не привычные для современного человека бюсты или мемориальные сооружения. Храмы-памятники выполняли функцию увековечивания памяти о победах Руси на поле боя. До XVI века создание храмов-памятников было привилегией сугубо церковной, а после

XVI века строительство храмов-памятников переходит к государству. В XIX веке возведение памятников стало привилегией не только государства, но и дворянских кланов. До XVI века использовался шатровый стиль при строительстве храмов-памятников, такой же стиль использовали русские эмигранты после 1918 года. Русские эмигранты не просто строили храмы-памятники, но и копировали стили строительства таких сооружений в Древней Руси. Франция, Бельгия, Австралия, Америка, Китай стали местом эмиграции русских людей, в этих странах возводились храмы-памятники, которые проходили сложные бюрократические этапы к разрешению строительства.

Храмы-памятники как культурные и социальные символы строились на Руси в честь побед и рождения наследников русского престола. Для современного общества памятники изменили свой качественный смысл. Согласно П. Нора, возведение огромного количества памятников — сигнал к тому, что люди боятся забыть и, чтобы помнить или вспомнить, нужны «места памяти». Действительно, XX век славился умеренным количеством храмов-памятников как мест памяти о Николае II за рубежом. XXI век насыщен памятниками Николаю II (таб.).

Интересно, что, как в Древней Руси, храмы-памятники, которые строились в эмиграции, не имели персонифицированного сходства с тем, в честь кого или чего возводился памятник. Единственным идентификатором становилась табличка с надписью о памятном событии.

Русские люди, эмигрировав за рубеж, приобретали и хранили ментальную связь с родиной, и храмы-памятники возводились не только для молитв и проведения церковной службы, но и как увековечивание памяти об утраченной родине и скорби по убийству царской семьи. Подчеркнем, что для русских эмигрантов два понятия — смерть последнего русского императора и утраченная Родина — были практически неделимы. Одним из самых известных памятных сооружений в эмиграции является храм-памятник Св. Иова Многострадального (построен в 1935 году, освящен в 1950 году) в Брюсселе. В Шанхае располагается церковь Св. Николая Чудотворца (1934 год, освящена через несколько лет). В Америке — церковь Казанской иконы Божьей Матери в Сан-Франциско (1949–1950-е годы). В Австралии — Свято-Николаевский собор в Брисбене, шатровый стиль постройки. Представленные храмы-памятники выполнены в шатровом стиле, который был популярным в России в XVI веке. Данный факт говорит

о желании русских эмигрантов создать за границей места, подобные России.

Подробнее остановимся на храме-памятнике в Шанхае. Возможно, прототипом храма-памятника в Шанхае стала церковь Вознесения в Коломенском. Храм-памятник в Шанхае и церковь в Коломенском имеют схожую архитектуру. Эмоциональная насыщенность храма-памятника в Шанхае словно убеждает окружающих в желании устремиться ввысь, такое впечатление позволяет произвести шатровый стиль. Как внешний, так и внутренний образ стремится высказать все заветы духовности Русской православной церкви. Символизм этого храма-памятника выливается даже в цветовом решении куполов, а именно: центральный покрыт мозаикой сине-бирюзового цвета, четыре малых купола темно-синего цвета с золотыми звездами, купол колокольни трех цветов Дома Романовых: белого, оранжевого и черного. Этот храм-памятник так тихо и так много рассказывает о страданиях русских эмигрантов вдали от Родины, переживших революцию физически, но не духовно. Сегодня этот храм-памятник духовно-общественной мысли русских эмигрантов превратился во французский ресторан, расположенный в одной из частей этого храма.

Храм-памятник в Брюсселе Св. Иова Многострадального (автор Н. И. Исцеленнов) также стал местом памяти и имел свой прототип в России. Главным условием конкурса на проект храма было создание «памятника скорби о годах смуты» (1917–1918 годы) — по образу древнерусских церквей. Таким образом, прототипом храма-памятника в Брюсселе стал придел шатровой каменной церкви Преображения Господня в подмосковном с. Остров (конец XVI века). Причина выбора именно этой церкви в с. Остров заключалась в символичности для русской эмиграции. Русские эмигранты в строительстве данной церкви хотели заключить послание потомкам, т. к. островская церковь символизировала крепость и нерушимость царской власти, была выстроена Иваном Грозным и служила почти столетие царскому роду. На внешних стенах храма-памятника предполагалось повесить памятные доски с именами тех, кто стал жертвой советской власти. Стиль храма так же, как и храм в Шанхае, олицетворял устремленность ввысь — неорусский стиль с шатрообразными вариациями. Таким образом, на примере двух храмов-памятников можно сделать вывод, что русские эмигранты пытались возродить православную культуру,

находясь за рубежом, строили своеобразные островки России внутри других стран. Русские эмигранты не старались влиться в культуру другой страны, они, как огонек в лампаде, хранили духовную привязанность к Родине, предвкушая скорое возвращение назад.

Шатрового стиля в строительстве храмов-памятников придерживались и русские эмигранты во Франции: церковь Св. Царя-Мученика и Свв. Новомучеников и Исповедников. Один из храмов-памятников в Америке, церковь Казанской иконы Божией Матери в Сан-Франциско, имеет свой прототип в России. Церковь Казанской иконы Божией Матери имеет схожие черты во внешнем облике с церковью Казанской иконы Божией Матери в Вырице, которая была построена в 1914 году. Русским эмигрантам необходима была зодческая теплота старой России.

Данное исследование не может полностью раскрыть данную проблематику, рассмотреть и найти прототипы всем храмам-памятникам, возведенным за рубежом.

Распад СССР и слом советской системы повлиял на осознание памяти о Николае II, и это видно по памятникам 1990–2000-х годов. Далее выделим памятники Николаю II в эти годы. Во-первых, мемориалы изменили свой облик, став персонифицированными бюстами и постаментами. Во-вторых, памятники стали возводиться в России. В XX веке на территории СССР не было построено ни одного памятника в честь Николая II, не считая Ипатьевского дома, снесенного в 1977 году. Более того, 12 апреля 1918 года Совнарком по инициативе В. И. Ленина утвердил проект «О снятии памятников царям и их слугам». Борьба в символическом пространстве вылилась в перекодировку памятников царям, их слугам или их уничтожение. Возводились памятники в 1990-е годы в основном вблизи церквей, храмов или кладбищ. Данная особенность расположения памятников объясняется постепенным отходом от такого способа коммеморации, как храмы-памятники. В-третьих, в 2000-х годах наблюдаются случаи возведения памятников-бюстов уже в городских парках или на улицах, что говорит об изменении сознания общества: память, будучи раньше духовной, становится в современном обществе светской (таб.). В-четвертых, таблица наглядно показывает количественное различие памятников в XX веке и начале XXI века. Например, в XX веке в Русском Зарубежье было установлено около 14 памятников, в 1990-годах — шесть памятников Николаю II и его семье, а в 2000-х годах число памятных сооружений составляет около 22.

Эти данные свидетельствуют о различном интересе общества и государства к памяти о Николае II и его семье. Судьбы памятников тоже различные: в 1990-х годах памятники подвергались постоянным разрушениям, взрывам силами революционной организации РСВ с последующими восстановлениями; в 2000-х годах памятники не трогают. И, наконец, последнее: в XX веке заказчиками памятников являлись церковные деятели и частные лица. В 1990-х годах ситуация не изменилась, а в 2000-х годах строительством памятников стало интересоваться еще и государство. Интересно, что с переходом от храмов-памятников к памятникам-бюстам изменилась и символическая информация. Современные бюсты несут память о царской семье или о Николае II, но не о распавшейся Российской империи. Хотя, безусловно, в современном обществе присутствует тоска по царской России, но это специфическая человеческая черта — ностальгировать по прошлому.

Память, особенно травматическая, — изменчивый и неуловимый инструмент человека. Казалось, что человечество нашло способ поймать ее, найти точку отсчета и увековечить в камне. Но на деле получается, что память даже в камне может изменяться, т.к. храмы-памятники перестраиваются, перестают быть памятниками, становятся светскими заведениями. Память в памятниках-бюстах меняет свои вектора, становясь средством не забыть, а помнить. Города наполнены символическими знаками в виде памятников, но современное общество не умеет читать и понимать эти символы. «Война памятников», установка символических знаков господства власти все больше и больше заполняют культурную среду общества. Для определенного индивида и в разные периоды его жизни памятник остается местом постоянного источника прозрения истины или восхищения. Храмы-памятники, идентификационным признаком которых является табличка, эмоционально возвышают человека. Памятники-бюсты чаще всего узнаваемы без специальных надписей в отличие от храмов-памятников, но не всегда современный человек имеет возможность прочесть надпись на бюсте и по ошибке воспринимает увиденное неправильно. Огромное количество возведенных памятников в XXI веке превратило их в повседневный инструмент города и поэтому сделало их невидимыми. Мы проходим мимо, а ведь памятник — это феномен, который преподносит возможность человеку найти основание, фундамент и не потеряться в пространстве исторического времени.

Прошлое неизменно оставляло и будет оставлять символические раны, изображая их в местах-травмах. Социальные группы устанавливают на сознательном уровне присутствие и источник травматических событий, а также принимают на себя ответственность за деяния прошлых лет, даже если сами индивидуумы не причастны к этим событиям. У сообществ, испытывающих чувство скорби и ответственности, встает вопрос: могут ли страдания других восприниматься современниками так же, как очевидцами событий? Чаще всего общество положительно отвечает на данный вопрос. Таким образом, общества расширяют не только коллективную память, но и консолидацию, имея центром такое трагическое событие, как расстрел царской семьи 16–17 июля 1918 года. С другой стороны, существуют сообщества, которые, отрицая действительность страданий других, тем самым преуменьшают свою ответственность за трагические события.

Базируясь на таких способах коммеморации, как места памяти о трагических событиях, посвященных расстрелу царской семьи, мы имеем возможность проследить настроения общества, состояние коллективной памяти и идентичности. Культурная память, подобно магическому portalу, позволяет не только быть транспортом, отправляющим человека за пределы настоящего, но и быть индикатором социального и экономического состояния общества. Специфика мест-травм в отличие от мест памяти — в том, что рана от шокирующего события должна иметь время, чтобы быть осознанной, но не понятой.

Национальная память общества перенасыщена травматическими событиями, и специфическая проблема травматических мест обусловлена тем, что за определенное количество времени оно наполнилось многочисленными вариациями-воспоминаниями. На примере события травмы — расстрел царской семьи — мы с помощью памятных сооружений смогли проследить эволюцию коллективной памяти и отношения к этому болезненному событию в истории России.

Таблица

Памятники в честь последней русской царской семьи

Дата	Название места памяти	Страна	История жизни
Русское зарубежье			
1924 год	Памятник	Германия	Неизвестна
1934 год	Военно-приходская церковь св. Николая Чудотворца, первый храм-памятник Николаю II и его семье. (А. И. Ярон)	Шанхай	После 1947 года закрыта, использовалась под склад, сегодня охраняется как памятник архитектуры, в киоте на фронтоне располагается французский ресторан.
1935 год	Памятник-часовня в честь Николая II и 2 млн русских воинов, погибших в Первой мировой войне. (Р. Верховский)	Белград	Неизвестна
1935 год	Часовня-памятник на кладбище усопшим русским эмигрантам, Николаю II и его августейшей семье	Загреб	Неизвестна
2 февраля 1936 года (в 1950 году освящен)	Храм-памятник Николаю II, храм Иова Многострадального	Брюссель, охраняется бельгийским правительством, является до-стопримечательностью	Действует до сих пор

1936 год	Часовня-памятник Николаю II и югославскому королю Александру I	Харбин (Маньчжоуго)	Разрушен во время культурной революции, сегодня на месте часовни-памятника располагается семиэтажный жилой дом
Неизвестна	Церковь св. Царя-мученика и свв. новомучеников и исповедников.	Франция, Вильмуасон (под Парижем)	Начиная с 1980-х годов домовая церковь
Неизвестна	Свято-Николаевский собор, храм-памятник Николаю II	Австралия, Брисбен	Неизвестна
Неизвестна	Церковь Казанской иконы Божьей матери, храм-памятник царской семье	Америка, Сан-Франциско	Неизвестна
Неизвестна	Свято-Николаевский собор, храм-памятник Николаю II	Америка, Сиэтл	Неизвестна
Неизвестна	Сербский храм Александра Невского, мраморная плита с надписью «Николай II — царю-мученику»	Белград	Неизвестна
Неизвестна	Кафедральный собор Александра Невского, крест-памятник убиенной семье	Париж	Неизвестна
1951 год	Голгофа с серебряной доской в память Царя-мученика и его семьи. На территории храма Знамения Пресвятой Богородицы.	Валенсия	Неизвестна

Продолжение табл.

1952 год	Построена церковь при доме Союза русских военных инвалидов «в память государя-императора Николая II, всей царской семьи, верных слуг ея, всех воинов за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших, на поле брани павших и в борьбе с большевиками погибших и умученных»	Монморанси под Парижем	Неизвестна
1990-е годы			
26 мая 1996 года	Памятник Николаю (В. М. Клыков)	Московская область, с. Тайнинское, на месте царского путевого дворца, у церкви Благовещения Пресвятой Богородицы	1 апреля 1997 года взорван силами революционной организации РВС, в ноябре 1998 года восстановлен, но зимой того же года взорван снова. В 2000 году восстановлен на средства скульптора Клыкова и пожертвования.
19 мая 1991 года	Мраморный поклонный крест и четыре гранитные плиты (Н. Павлов)	Ваганьковское кладбище, рядом с Храмом Воскресения Слоущего.	19 июля 1997 года взорван, восстановлен, в 2003 году снова поврежден.

28 июля 1998 года	Памятник Николаю II, статуя в полный рост. (В. В. Зайко)	На территории усадь- бы В. П. Мелихова, По- дольск, Московская область	1 ноября 1998 года взорван, 16 января 1999 года восста- новлен
17 июля 1993 год а	Памятник Николаю II, бюст на постаменте (В. В. Зайко)	г. Пушкин, рядом с Феодоровским госу- даревым собором	Неизвестна
Июль 1996 года	Памятник Николаю II	с. Сыростан, Челябин- ская область, у Кре- стовоздвиженской церкви	Неизвестна
21 сентября 1991–2000 год	Храм-на-Крови, храм-памятник Николаю II и царской семье	На месте снесенно- го Ипатьевского дома, г. Екатеринбург.	Является местом паломниче- ства
2000-е годы			
19 мая 2002 года	Памятник Николаю II, рядом с Крестовоздвиженской церко- вью	Санкт-Петербург, (Ли- товский проспект, 128)	
16 июля 2003 года	Памятник-композиция царствен- ной семье у Храма-на-Крови (К. В. Грюнберг, А. Г. Мазаев)	Екатеринбург	
24 сентября 2003 года	Памятник Николаю II, у храма Св. Веры, Надежды, Любови и Со- фии (Клыков)	Курск	

Продолжение табл.

2006 год	Скульптурная группа «Император Николай II и цесаревич Алексей» к 100-летию основания подводного флота России	пос. Вилючинск (Камчатский край)	
2007 год	Памятник Николаю II на территории особняка С. Васильева	пос. Вырица (Ленинградская обл.)	
2007 год	Памятник-композиция Николай II с семьей. (З. К. Церетели)	Находится в Академии Художеств, ни один город не изъявил желание поместить этот памятник у себя	
2008 год	Памятник Николаю II у Никольского придела Успенской церкви	г. Сергиев Посад (Московская обл.)	
21 ноября 2008 года	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, на территории Михаило-Архангельского собора		
2009 год	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, в комплексе монастыря Святых Царственных Страстотерпцев.	Ганина Яма, Екатеринбург	
24 декабря 2010 года	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, у ликеро-водочного завода «Шушенская марка» (К. М. Зимин)	пгт Шушенское (Красноярский край)	

20 ноября 2011 года	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, у Никольской церкви (С. Ю. Алипов)	г. Павловск (Ленинградская обл.)	
28 сентября 2012 года	Памятник Николаю II и Л. Голицыну (Б. Чак)	пос. Новый Свет (Республика Крым)	
8 июня 2012 года	Памятник Николаю II в сицилийском городском парке	г. Таормина (Сицилия, Италия)	
17 июля 2012 года	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, рядом с Никольской церковью	аггородок Крайск (Минская обл., Белоруссия)	
12 мая 2013 года	Памятник Николаю II и императрице Александре Федоровне на постаменте, у собора Воскресения Христова (М. В. Перяславец)	Санкт-Петербург	
2013 год	Памятник в комплексе Новоспасского монастыря	Москва	
21 июня 2014 года	Памятник Николаю II на центральной улице города (З. Церетели)	Баня-Лука, Сербская республика, передан в дар Российским военно-историческим обществом и Российским институтом стратегических исследований	

Окончание табл.

24 июля 2014 года	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, рядом с Николо-Берлюковским мужским монастырем	д. Авдотьино, Московская область	
13 октября 2014 года	Памятник Николаю II, в парке недалеко от мэрии города и Российского центра науки и культуры («Русский дом») (А. Н. Ковальчук, Г. Правоторов)	Белград (Сербия), подарок РФ.	
19 мая 2015 года	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, у главного входа в Ливадийский дворец (А. А. Апполонов)	пгт Ливадия (Республика Крым),	
2014 год	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, в городском парке, где раньше находилась «Царская беседка» у аллеи рядом со смотровой площадкой	Калуга	
2015 год	Памятник Николаю II, бюст на постаменте, у православной церкви	с. Архангельское (Кызылжарский р-н, Казахстан)	Снесен в 2015 году